

К.В. Чугунов

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ АЗИАТСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ И ВОПРОСЫ ИХ СИНХРОНИЗАЦИИ С ДРЕВНОСТЯМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматриваются вопросы датирования азиатских древностей эпохи ранних кочевников, для которых отсутствуют исторические даты и абсолютная хронология может опираться только на датированные естественно-научными методами представительные комплексы. На примере наборов стрел из ранних погребений тагарской культуры демонстрируется необходимость коренного пересмотра ее хронологии и модели эволюционного развития. Предлагается методологический подход для возможности синхронизации азиатских материалов со скифской хронологией, который демонстрирует взаимосвязь культурно-исторических процессов в степях Азии и Восточной Европы.

Ключевые слова: эпоха ранних кочевников, предскифское время, хронология, культурно-хронологические горизонты, миграционные импульсы.

Вопросы хронологии какого-либо региона, имеющего свою периодизацию, зачастую могут быть существенно скорректированы привлечением для их решения материалов извне. Прекрасным примером является то, что А.И. Тереножкин одним из первых обратил внимание на результаты раскопок кургана Аржан и соотнес ряд найденных там предметов с древностями черноголовского круга. Это позволило ему предложить для исследованного в Туве памятника датировку второй половиной IX — первой половиной VIII вв. до н. э. [Тереножкин, 1976, с. 210]. На тот момент такая дата для комплекса, включающего предметы, выполненные в зверином стиле, выглядела чрезвычайно смело и неизбежно вызвала дискуссии, которые общеизвестны и не раз рассматривались.

Присутствие в раннескифском материальном комплексе бесспорных следов восточного импульса сейчас едва ли можно отрицать, на

что уже не раз обращали внимание исследователи [Kossak, 1987; Chochorowski, 1993; Алексеев, 2003, с. 42—57; Скорый, 2003, с. 73—80; Рябкова, 2010, с. 100; 2014, с. 411—413; Хохоровски, 2011; Мурзин, 2014, с. 18—20]. Однако, противоречивость абсолютной хронологии, для уточнения которой в азиатских степях не так уж много опорных дат, затрудняет определение направления культурно-генетических связей, выяснение исходных очагов инноваций и путей их распространения. Без надежных хронологических реперов невозможно синхронизация памятников Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана с одной стороны, и европейских памятников с другой.

Один из способов выхода из этой ситуации — широкое использование для датировки археологических комплексов естественно-научных методов, из которых наиболее распространенный — радиоуглеродное датирование. Сложность соотнесения полученного радиоуглеродного возраста образца с календарным временем для раннескифской эпохи, обусловленную так называемым «гальштадским плато» на калибровочной кривой, не раз отмечалась [Евразия ..., 2005, с. 64—66]. Тем не менее, для ряда ключевых памятников трудности метода удалось преодолеть при помощи согласования датировок дендрообразцов [Там же, с. 70—92]. Особенно узкий календарный интервал был получен при радиоуглеродном датировании образцов из кургана Аржан. Наиболее вероятная дата его сооружения определена 788 г. до н. э., а при 95%-ом доверительном интервале — от 807 до 772 г. до н. э. Этот период хорошо согласуется с результатами калибровки (806 — 786 гг. до н. э.) [Зайцева и др., 2007]. Соответственно, как и предполагал

А.И. Тереножкин, сооружение кургана Аржан относится к рубежу IX — VIII вв. до н. э., что дает первую опорную дату для начала эпохи ранних кочевников. Такая дата практически совпадает с известной исторической датировкой падения династии Западного Чжоу в Китае (770 г. до н. э.), на что впервые указал Д.Г. Савинов [2002, с. 76], и что косвенным образом говорит о трансформационных процессах, происходивших в азиатском регионе в этот период. Комплекс кургана Аржан-2 проанализирован еще более подробно, но поскольку он сооружен позже и радиоуглеродные определения попали на «гальштадское плато», его многочисленные датировки, выполненные как традиционным методом, так и с применением ускорительной масс-спектрометрии, показали широкий календарный интервал. Тем не менее, при помощи метода согласования время сооружения его погребальной камеры было определено в пределах от 671 до 609 гг. до н. э. с наиболее вероятным значением 659 г. до н. э. [Евразия ..., 2005, с. 84—88]. Таким образом, Старший Аржан древнее Аржана-2 примерно на 150 лет, что подтверждается также сравнением археологических комплексов [Чугунов, 2009].

Мнение о поздней датировке Аржана сложилось во многом под влиянием традиционных (в рамках VII—III вв. до н. э.) представлений о хронологии тагарской культуры, в материалах которой присутствуют прямые аналогии предметам, обнаруженным в тувинском «царском» кургане. Н.Л. Членова — один из основных оппонентов М.П. Грязнова и А.И. Тереножкина по этому вопросу — во многом опиралась именно на древности Среднего Енисея, доказывая, что этот комплекс не может возникнуть ранее VII в. до н. э. [Членова, 1997]. Но специалисты, отстаивавшие раннюю дату Аржана, уже тогда говорили, что традиционную хронологию тагарской культуры необходимо пересмотреть [Курочкин, 1991]. Радиоуглеродное датирование образцов из тагарских курганов подтвердило это мнение и в корне поменяло сложившееся в науке представление об этом ярком культурном образовании. Определения, полученные для серии раннетагарских памятников (подгорновский этап), показали калиброванные значения календарного возраста, верхняя граница которых не выходит за пределы IX в. до н. э. [Боквенко и др., 2002, с. 21]. Соответственно, этот пласт комплексов оказывается синхронным кургану Аржан, а некоторые из них даже древнее его. Многие памятники следующего, как представлялось ранее, сарагашенского этапа тагарской культуры, образцы из которых датированы радиоуглеродным методом, также удревелились [Gorsdorf et al., 2004, p. 85, tab. 1; Поляков, Святко, 2009, с. 35—43], и, вероятно, появление их в регионе необходимо относить к гораздо более раннему времени, чем это считалось прежде. На это указывают и

произведенные демографические расчеты семикратного роста населения на Среднем Енисее в сарагашенское время [Субботин, 1995, с. 140—142], что едва ли возможно в рамках традиционных представлений о хронологии периода в течение двух веков. Радиоуглеродные датировки памятников этого этапа не столь однозначны, но, тем не менее, можно утверждать, что наиболее ранние сарагашенские курганы могут быть отнесены к раннескифскому времени. Кроме того, для сарагашенских комплексов также существуют определения возраста, выполненные методом согласования. Серия радиоуглеродных датировок была сделана для образца деревянной конструкции могилы 1 кургана 1 могильника Черемшино на севере Хакасии [Евразия ..., 2005, с. 118; Александров и др., 2014, с. 74—108]. Сохранность дерева позволила получить достаточно узкий календарный интервал возраста, который определяется рубежом VIII — VII вв. до н. э. С учетом того, что образец мог не сохранить какую-то часть внешних колец, не исключено, что возраст рубки дерева несколько позже. Тем не менее, эту дату можно считать реперной для памятников сарагашенского типа, а датировка его даже концом VII в. позволяет предполагать сосуществование на каком-то этапе подгорновской и сарагашенской погребальной традиции. Для синхронизации тувинских материалов с тагарскими комплексами это очень важно, так как снимает противоречия, заключающиеся в многочисленных аналогиях, найденных в памятниках алды-бельской культуры Тувы.

Предложения пересмотреть эволюционную периодизацию тагарской культуры звучали и ранее, вне зависимости от радиоуглеродных определений ([Вадецкая, 1999, с. 132; Подольский, 2007, с. 121]; историографии см.: [Савинов, 2012, с. 33—38]). Таким образом, свежий взгляд на хронологию тагарских древностей назрел давно. Он приводит нас к пониманию, что сарагашенские памятники могут иметь свою независимую линию происхождения и на раннем этапе сосуществовать с поздними подгорновскими [Чугунов, 2013]. На это указывают не только близкие радиоуглеродные датировки, но и данные антропологии [Козинцев, 1977; Учанева и др., 2017]. Различия в конструкции погребальных сооружений, на основании изменения которых строилась ранее эволюционная модель, состоящая из последовательных этапов, могут объясняться не постепенной трансформацией, а разными исходными компонентами истоков традиции. Этому, на мой взгляд, не противоречит новое исследование яркой курганной архитектуры, предпринятое в последние годы [Акулов, Паульс, 2008]. На нелинейный характер развития тагарской культуры указывает и статистико-комбинаторный анализ материалов двенадцати полностью раскопанных могильников, проведенный А.В. Субботиным

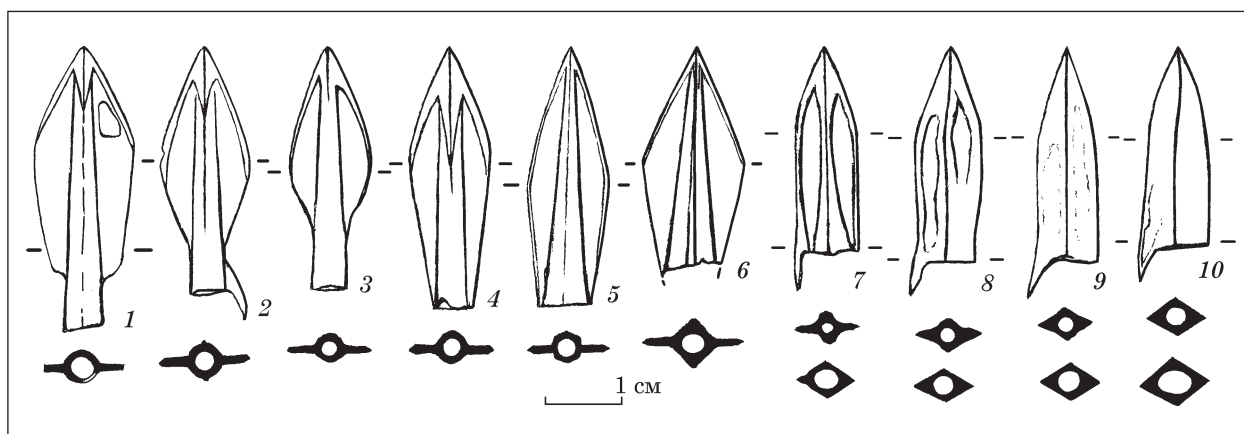

Рис. 1. Набор бронзовых наконечников стрел из могилы 1 кургана 1 могильника Тигир-Тайджен IV (рисунок автора)

[2014]. Предлагаемая автором схема динамики культуры предполагает сосуществование традиций последовательных этапов на протяжении 100—150 лет, хотя итоговые рассуждения еще не вполне свободны от традиционных датировок [Там же, с. 76, рис. 25]. Полученные радиоуглеродные даты тагарских памятников, на которые было указано еще более 10 лет назад [Чугунов, 2005; Евразия ..., 2005], побудили некоторых исследователей пересмотреть свои взгляды как на культуру в целом, так и на отдельные ее этапы. Н.А. Боковенко просто раздвинул ее хронологические рамки, сохранив эволюционную последовательность всех этапов схемы М.П. Грязнова [Боковенко, 2011]. Начало тагарской культуры (баиновский этап) он относит к рубежу X—IX вв. до н. э. [Боковенко, 2010, с. 100]. Л.С. Марсадолов сосредоточил внимание на выделении салбыкского культурно-хронологического этапа, датированного им VIII—VI вв. до н. э. [Марсадолов, 2014; 2015]. Большой Салбыкский курган, исследованный С.В. Киселевым, большинством исследователей традиционно относился к сарагашенскому этапу. Автор утверждает, что ему удалось совместить «плавающую» дендрошкалу, полученную им по образцу из этого памятника, с дендрошкалой Аржана-2 и делает вывод, что тагарский «царский» курган старше тувинского на 35 лет, то есть датируется первой половиной VII в. до н. э. [Марсадолов, 2015, с. 15]. Если это действительно так¹, то в этом случае мы имеем еще один хронологический репер для тагарских материалов. В целом, современному пониманию древностей I тыс. до н. э. Среднего Енисея соответствует рассмотрение их в рамках не одной культуры, а тагарской культурно-исторической общности [Савинов, 2012]. Происхождение отдельных компонен-

1. Поскольку, в отличие от материалов Аржана-2, Л.С. Марсадолов не опубликовал график измерений образца из Большого Салбыкского кургана, проверить правильность такого заключения пока не представляется возможным.

тов этой общности, их взаимосвязи и влияние на соседние регионы еще предстоит уточнить. В рамках этой работы необходимо рассмотреть основания для хронологических определений, базирующиеся не только на радиоуглеродных датировках, но и на сопоставлении с имеющимися разработками для европейских степей.

Наиболее показательными при установлении хронологической позиции памятников эпохи ранних кочевников являются бронзовые наконечники стрел, найденные в погребениях. Они имеют во многом общую линию развития у степных народов Евразии в начале I тыс. до н. э. Несмотря на то, что в тагарские захоронения обычно не клали большого колчанного набора, несколько комплексов со значительным количеством бронзовых наконечников все же присутствуют. Один из них — из могилы 1 кургана 1 могильника Тигир-Тайджен IV (раскопки М.Л. Подольского, 1999 г.) — очень представительный, включает помимо десяти бронзовых втульчатых наконечников стрел полный набор вооружения. Здесь найден массивный втульчатый чекан с прямоугольной петлей под обухом и выступом «палочкой» в основании бойка, а также кинжал с трехжелобчатым навершием рукояти. Типологическое соответствие колчанного набора из этого раннетагарского погребения стрелам из Аржана абсолютно полное (рис. 1). Здесь присутствуют двухлопастные экземпляры с ромбической формой головки, один из которых имеет шип, отходящий от края втулки (рис. 1, 2); наконечник с удлиненным асимметрично-ромбическим пером (рис. 1, 4); крупный наконечник выступающей втулкой и нижними краями широкими лопастей, отходящих от нее под тупым углом (рис. 1, 1); четырехгранные стрелы со скрытой втулкой и шипом в основании (рис. 1, 7—10). Комплекс имеет радиоуглеродную дату, калиброванный интервал которой не выходит за пределы IX в. до н. э. [Евразия ..., 2005, с. 114].

Самые многочисленные наборы бронзовых стрел происходят из двух комплексов могиль-

ника Каменка I — в могиле 3 кургана 2 найдено более тридцати наконечников (рис. 2) и в могиле 3 кургана 4 70 бронзовых и костяных экземпляров (рис. 3). Данные о могильнике опубликованы лишь в виде обобщенной сводки [Шер, Прокофьева, 1966], однако коллекция

находок передана в Государственный Эрмитаж (колл. 2440) и доступна для исследования. Все бронзовые стрелы относятся к группе втульчатых. В обеих могилах найдены наконечники с лопастями ромбической формы, а также стрелы с удлинненно-ромбическим пером. Такие

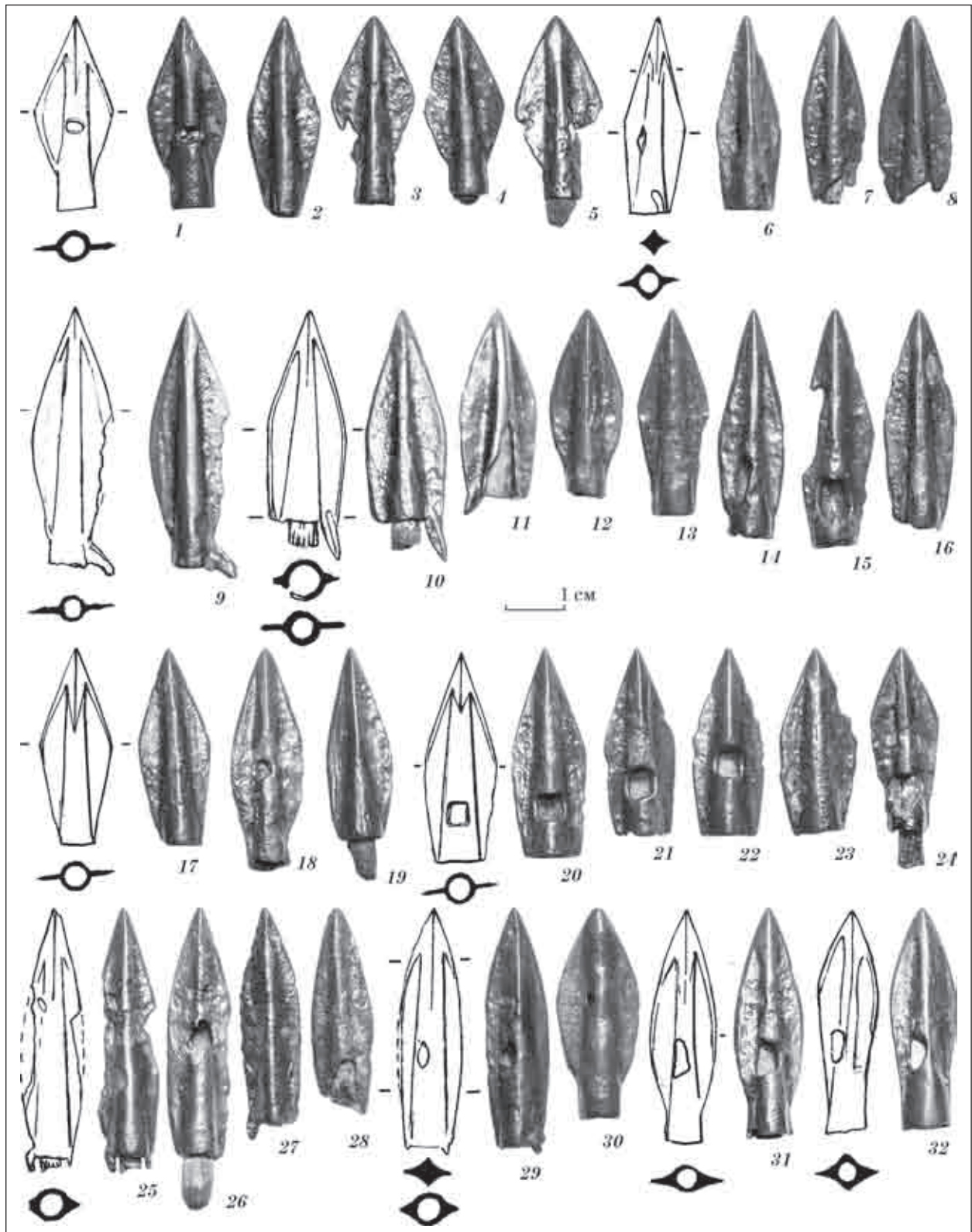

Рис. 2. Набор бронзовых наконечников стрел из могилы 3 кургана 2 могильника Каменка I (фото и рисунок автора)

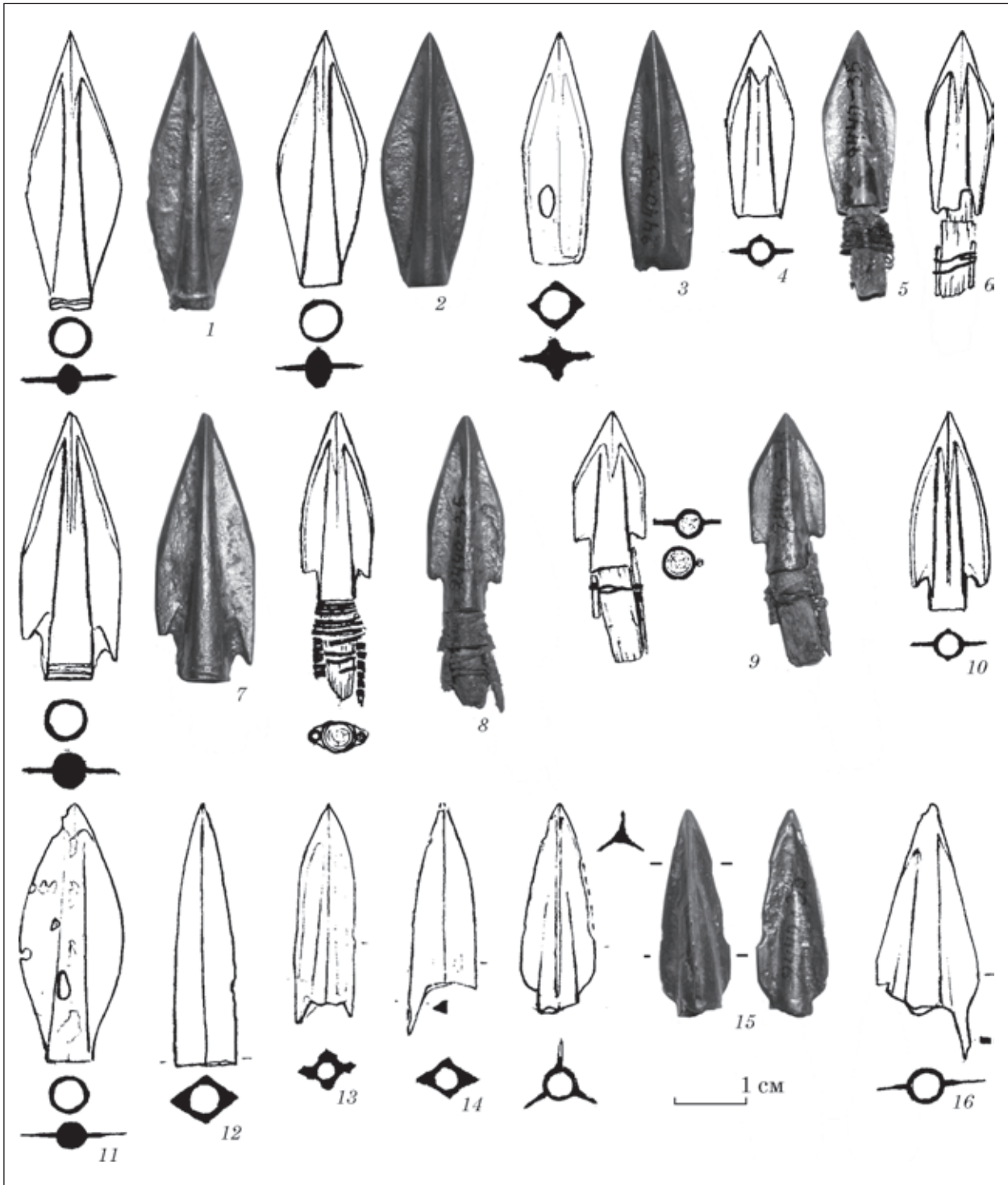

Рис. 3. Набор бронзовых наконечников стрел из могилы 3 кургана 4 могильника Каменка I (фото и рисунок автора)

стрелы присутствуют в Аржане. Интересно, что, несмотря на очевидную культурную близость этих комплексов (из обеих могил происходят характерные сосуды), два набора стрел несколько различаются по типологическому составу. Подавляющее большинство наконечников двухлопастные, но в наборе из кургана 4 присутствуют семь четырехгранных экземпляров со скрытой втулкой (рис. 3, 12—14), отсутствующие в комплексе кургана 2. Кроме того,

в этом же наборе присутствует и наконечник, относящийся к отделу трехлопастных (рис. 3, 15). Он имеет слегка выступающую втулку и головку вытянутых листовидных очертаний с максимальной шириной в нижней части.

Однако чрезвычайно важно, что среди всех этих типов в составе стрелкового набора из кургана 4 имеются так называемые килевидные наконечники (рис. 3, 7—10). Один из них крупнее других и имеет выпуклый валик по краю

втулки. Подобный валик есть и на одном наконечнике с ромбовидными лопастями (рис. 3, 1). У многих бронзовых стрел из кургана 4 сохранились фрагменты древков, законсервированные окислами меди. Это позволило выявить еще одну интереснейшую особенность — наличие пары деревянных шипов, примотанных в основании втулки наконечников (рис. 3, 5, 6, 8, 9).

Известно, что стрелы килевидной формы характерны для черноголовских комплексов Восточной Европы и не встречаются в скифских колчанах. Точно такие стрелы, как в кургане 4 Каменки I, найдены, например, в погребении 5 Высокой могилы [Тереножкин, 1976, с. 33, рис. 7, 13—24]. Кроме того, валики в основании втулки также очень характерны для причерноморских комплексов эпохи поздней бронзы. Примотанные деревянные шипы, зафиксированные у стрел из Каменки I, позволяют высказать предположение о наличии такой традиции у носителей другой предскифской культуры — новочеркаского типа. На характерных для нее длинных втулках наконечников в ряде случаев зафиксирована обмотка, которая не нужна при таком способе крепления (напр., у стрел из кургана Квитки [Ковпаненко, Гупало, 1984, с. 49, рис. 9, 10, 23—25, 32, 34, 37: 10]).

В стрелковом наборе из кургана 2, помимо наконечников с ромбическим очертанием головки, имеются стрелы с узкими лопастями (рис. 2, 25—29), находящие аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы Казахстана, например, на поселении Кент [Варфоломеев, 2011, с. 238, рис. 25; Бейсенов и др., 2014, фото 31, 3, 6—9]. Крупный листовидный наконечник с шипом в основании лопасти (рис. 2, 9) совершенно аналогичен известной втульчатой стреле из могильника Бегазы [Маргулан, 1979, с. 85, рис. 55, 9]. Не исключено, что такой набор сложился несколько раньше более разнообразного по типам набора из кургана 4. Возможно, в пользу этого говорит топография могильника Каменка I, где рассматриваемые курганы располагаются в отдельных группах, причем группа, включающая курган 2 устроена на более высоком месте террасы [Шер, 1963].

В целом, для раннетагарского стрелкового набора абсолютно преобладающими являются двухлопастные втульчатые формы [Морозов, 2003], происхождение которых от прототипов эпохи бронзы не вызывает сомнений. Показательно, что единичные трехлопастные черешковые наконечники известны только в сарагашенских комплексах, фиксируя таким образом синхронизацию с алды-бельской культурой Тувы. Бронзовые чеканы и кинжалы, аналогичные и близкие оружию из Аржана, подтверждают соотнесение подгорновских древностей современем формирования комплекса тувинского кургана, на что указывала и Н.Л. Членова [1997]. Также получает объяснение широкое

распространение в сарагашенских комплексах бронзовых наконечников и блях в виде оленей с подогнутыми ногами, которые находят прямые аналогии в самом раннем пласте памятников эпохи ранних кочевников на других территориях. На хронологическое несоответствие известных образцов из раннескифских и раннесакских памятников и этих ярких категорий находок в тагарской культуре не раз указывалось ранее [Чугунов, 2005; 2013]. Проблема их внутренней хронологии в рамках сарагашенских древностей остается и требует особого внимания, так как, вероятно, эти категории существуют у населения Среднего Енисея дольше, чем в других областях. Возможно, она может быть решена с позиций развития звериного стиля и вычленения из общего массива изделий с наиболее архаичными признаками, обозначенными Я.А. Шером [1980, с. 243—247].

Проблема хронологии тагарских древностей, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке, так как эта, пожалуй, наиболее исследованная многими поколениями археологов культура, рассматриваемая в русле устаревших представлений, сейчас мешает сопоставлению материалов на самом широком уровне. Тем не менее, с учетом данных, приведенных выше, уже сейчас можно предложить общий методологический подход при рассмотрении всего пласта культур эпохи ранних кочевников степной зоны Евразии.

Сопоставление материалов сильно удаленных друг от друга регионов должны проводиться с учетом их хронологии, которая для каждого комплекса, как правило, весьма относительна. Вероятно, самый общий межрегиональный анализ возможен с позиций концепции культурно-хронологических горизонтов, которая в наиболее разработанном виде представлена в работах Л.Т. Яблонского [2007, с. 27—31; 2008, с. 309—312]. Такой подход уже применен при сопоставлении материалов яркого комплекса кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье, которые авторы раскопок справедливо соотнесли с некоторыми находками в могилах Аржана-2. Ими даже было предложено выделение «аржано-кичигинского горизонта» для памятников азиатской части степной Евразии второй половины VII — середины VI вв. до н. э. [Боталов, Таиров, 2010, с. 351]. На мой взгляд, такое название едва ли удачно, так как ограничивает рассмотрение горизонта древностей лишь от Тувы до Зауралья и, кроме того, может ассоциироваться со Старшим Аржаном и аржано-черноголовским этапом, предложенным М.П. Грязновым для начального периода эпохи ранних кочевников. Возможно, для изучения азиатских областей расселения номадов было бы правильнее разбить весь массив имеющихся материалов на три последовательных горизонта, подобно вошедшему в научный обиход европейских скифологов опре-

Рис. 4. Могильник Мохучахань: погребение и некоторые находки: 1—5 — ІМ54; 6, 7 — ІМ46; 8 — ІМ9; 9 — ІМ148; 10 — ІМ68 (фото по [Синьцзян Моху ..., 2016])

делению РСК 1—3 (1—3 этапы раннескифской культуры) [Kossak, 1987; Медведская, 1992]. Деление на три этапа, по сути, является синхронизацией комплексов ранней скифской культуры в областях, где пребывание скифов документально зафиксировано письменными источниками, анализ которых, наряду с греческими и ближневосточными импортами, в значительной мере и дает основу для хронологических определений. Оно во многом условно и, поскольку на современном уровне анализа источников обсуждаются периоды с временным диапазоном в четверть столетия, вызывает критику специалистов, предлагающих свои схемы (напр. [Гречко, 2013], там же историография вопроса). Тем не менее, сам принцип разграничения всего массива источников на условные последовательные горизонты представляется продуктивным для самого общего анализа культурно-исторических процессов.

В отличие от ареала скифской культуры, для большей части территории азиатской горно-степной зоны этническая идентификация древних народов и хронологические реперы, опирающиеся на исторические сведения, отсутствуют (некоторые исключения — регионы, соседствующие с княжествами Чжоуского Китая) и для реконструкции культурно-исторических процессов можно опираться только на данные археологии. Введение трех горизонтов с одной стороны даст возможность отойти наконец от чрезмерно расширенных датировок комплексов раннескифского времени в два или даже три столетия, с другой — вести самую общую разработку азиатских кочевнических древностей в едином ключе без привязки к локальным археологическим культурам. Кроме того, такое деление позволит сопоставить эти горизонты с тремя этапами РСК на западе, что имеет большое значение для понимания процессов формирования собственно скифской культуры.

Объединение археологических материалов в культурно-хронологический горизонт должно сопровождаться выявлением общих, только им присущих элементов, которые предложено именовать «маркерами горизонтов» [Яблонский 2007а: 29; 2008: 310]. Выделить такие маркеры чрезвычайно непросто по многим причинам, одна из которых — консервативность культур в некоторых замкнутых регионах, где многие традиции существовали, почти не изменяясь, длительное время. Одна из таких культур — тагарская, что и породило в значительной мере представление исследователей об ее «короткой» хронологии. Между тем, как я попытался сделать выше, взгляд «извне» на тагарские древности позволяет рассмотреть и ее формирование в общем русле.

Первый культурно-хронологический горизонт в азиатских степях Евразии представлен комплексом кургана Аржан. Этот памятник демонстрирует несомненную связь, как в пог-

ребальном обряде, так и в материальном комплексе с кругом культур предшествующей эпохи, что было отмечено еще М.П. Грязновым [1983], выделившим аржано-черногоровскую фазу развития степных культур Евразии. Истоки комплекса Аржана, восходящие к эпохе бронзы, продемонстрировал также Д.Г. Савинов [Савинов, 2002]. Появление оленных камней в Европе на черногоровском этапе убедительно показал А.А. Ковалев, одновременно очертив круг находок черногоровского облика в восточной зоне степи [Ковалев, 2000].

Сейчас этот круг стал значительно шире. Помимо аналогий в тагарском стрелковом наборе, не учтенных тогда А.А. Ковалевым и приведенных выше, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе КНР недалеко от Урумчи исследован могильник Мохучахань, где в ряде погребений найдены предметы конского снаряжения [Синьцзян Моху..., 2016]¹. Они включают бронзовые и роговые трехдырчатые псалии аржанского типа² (рис. 4, 4, 6, 7). Погребальный обряд некрополя — небольшие камеры из валунов в неглубоких ямах (рис. 4, 1), окруженные оградой специфической прямоугольно-округлой или подтреугольной формы — напоминает могильники Чаохугоу в южных предгорьях Тянь-Шаня [Шульга, 2010, с. 26]. Поза погребенных скорченная, головой на север с небольшими отклонениями к востоку или западу. Помимо предметов конского снаряжения, комплексы включают бронзовые ножи разнообразных форм, преимущественно с выделенной рукоятью, с кольцевидными, валиковыми навершиями или без оных. Встречены ножи с навершиями типа «арки на кронштейне». Найдены небольшие дисковидные зеркала с центральной петлей, в том числе украшенные литым орнаментом в виде концентрических рассеченных полос. Присутствуют также роговые и каменные трехжелобчатые застежки и круглые стержни с перехватом в средней части. Единственный кинжал имеет гарду в виде трапециевидных выступов и валиковое навершие рукояти. Он найден в комплексе с выпуклообушковым ножом, имеющим уплощенно-грибовидное навершие выделенной рукояти. Встречены единичные наконечники стрел из бронзы и кости. Втульчатая группа представлена несколькими роговыми пулевидными экземплярами и четырьмя бронзовыми двухлопастными, три из которых можно отнести к

1. Сердечно благодарю А.А. Ковалева, который предоставил для написания этой статьи только что вышедшую из печати монографию, где опубликованы материалы могильника Мохучахань, а также Н.А. Сутягину, которая помогла с переводом ее текстов.

2. Под псалиями аржанского типа здесь и далее понимаются изделия с окончаниями, оформленными с одной стороны шляпкой грибовидных очертаний, с другой — выступом с перехватом в основании.

наконечникам с узкими лопастями (рис. 4, 10). Все остальные стрелы черешковые и по форме близки китайским — плоские или двухлопастные, подтреугольной или сводчатой формы, с опущенными вниз жалыцами (рис. 4, 9). Возвращаясь к рассмотрению найденных в Мохучахань псалиев, необходимо отметить, что, помимо аржанского типа этих изделий, в одной из могил вместе с черепом лошади обнаружен изогнутый трехдырчатый псалий (рис. 4, 8), аналогичный изделию, обнаруженному в черноговорском погребении 5 кургана 7 у с. Красная Деревня [Лукашов, 1984, с. 157—161]. Замечу также, что в могильнике, насчитывающем около 250 комплексов, не обнаружено предметов, выполненных в зверином стиле. Этот факт также сближает культуру населения, оставившего некрополь в Синьцзяне, с предскифским пластом древностей. Единственное очень обобщенное скульптурное изображение животного, отлитое у края длинного стержня (булавка?), ассоциируется скорее с искусством среднеазиатских раннеземледельческих оазисов эпохи бронзы, чем со звериным стилем скифской эпохи. Многоярусные и крестовидные нашивные бляшки, шпильки с навершиями в виде полого раструба, с выступами и перехватами на стержне, также имеют аналогии в культурах второго тысячелетия до н. э. Для образцов из ряда могил Мохучахань получена серия радиоуглеродных дат, которые не моложе IX в. до н. э. [Синьцзян Моху..., 2016, с. 352, 353].

Независимо от того, оставлен этот памятник какой-то кочевой группой населения или в его культуре нашли отражение контакты с номадами, полученные материалы позволяют синхронизировать Мохучахань со Старшим Аржаном и отнести к первому горизонту древностей. На Южное Притяньшанье, как возможную территорию происхождения одного из компонентов комплекса тувинского опорного памятника, указывалось ранее [Чугунов, 2011а, с. 73, сл.] и сейчас это предположение получило еще одно подтверждение.

Очевидные параллели предскифскому пласту древностей Восточной Европы предоставляют возможность прибегнуть к европейским разработкам для определения хронологической позиции первого горизонта эпохи ранних кочевников. Уздечные комплекты, а также роговые украшения узды, аналогичны ранним черноговорским [Вальчак и др., 1996, с. 29]. Роговые восьмерковидные бляхи, в свою очередь, сопоставлялись с бронзовыми аналогами из горизонта IVB Хасанлу [Иванчик, 2001, с. 214]. Эти сопоставления подтверждают датировку горизонта IX—VIII вв. до н. э. независимо от радиоуглеродных определений. В таких же хронологических рамках находятся раннеананьинские комплексы и «клад» погребения могильника Клинь-яр III на Северном Кавказе, где найдены аналогии уникальной для азиатских

древностей кольцевидной пряжке с перемычкой из Аржана [Смирнов, 2015, с. 105—108].

Другие материалы Аржана позволяют синхронизировать с ним древности переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку [Чугунов, 2006]. К ним, в частности, относятся стремеvidные пряжки со шпеньком, сопоставимые с найденными в бегазы-дандыбаевских поселениях [Варфоломеев, 2003, с. 102, рис. 4, 15, 16; Чугунов, 2015, с. 472, ил. 4], которые, вероятно, являются прототипом двучастных подпружных застёжек раннескифского времени. Найденные в Аржане серьги специфической формы, по своим морфологическим признакам конструктивно восходят к украшениям из постандроновских памятников [Чугунов, 2003].

Помимо западного по отношению к Туве направления связей, в комплексе памятника присутствуют находки, демонстрирующие юго-восточный компонент. В погребальной обряде Аржана отчетливо видны центрально-азиатские корни — радиальность конструкции, ассоциируемая с херексурами; сильно скорченная «андроновская» погребальная поза; наземный способ захоронения, восходящий к традиции монгун-тайгинской культуры Тувы. Аналогии некоторым находкам, сделанным в Аржане, также указывают на юго-восток. Как уже отмечалось А.А. Ковалевым [1996], древнейшей аналогией аржанскому клинковому оружию является кинжал из могилы 1040 на поселении Чжукайгоу в Ордосе имеющий такое же специфическое перекрестие. Могила датирована по раннешанскому клевцу «гэ» серединой II тыс. до н. э., однако предлагается и более поздняя датировка XIII—XII вв. до н. э. [Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 129] Случайная находка кинжала с похожим оформлением перекрестия и зооморфным навершием рукояти на юго-западе Тувы, возможно, свидетельствует о бытовании такого оружия здесь уже в эпоху поздней бронзы [Чугунов, 1997]. Кроме того, местные формы оружия, найденные в комплексах типа Наньшаньгэнь к северо-востоку от Ордоса, украшены изображениями животных в так называемом аржано-майэмирском зверином стиле, датируются китайскими предметами IX—VIII вв. до н. э. [Ковалев, 1998]. Одна из ярких категорий находок в Аржане — бронзовые навершия с фигурами баранов — находит близкие соответствия в ордосских бронзах. Но подобные навершия известны и в комплексах Казахстана, и в Минусинской котловине, и в лесостепи Западной Сибири, и в Прибайкалье. Связывают их, как правило, с деталями или украшениями колесниц [Новоженков, Алтынбеков, 2014, с. 239—242, рис. 3, 6, 11], что также указывает на традиции предшествующей эпохи [Новоженков, 2012].

Таким образом, опираясь прежде всего на материалы Аржана, можно выделить маркеры для первого культурно-исторического горизон-

та. В погребальном обряде таковыми могут являться признаки традиций эпохи бронзы (они могут быть различными для каждого конкретного региона). Из материального комплекса следует особо указать на предметы, связанные со снаряжением коня: псалли «аржано-черногоровского» типа, пряжки особого вида, двучастные (восьмерковидные) пронизи. Комплекс вооружения, найденный в Аржане, может выступать маркером только с учетом того, что он стоит в начале типологического ряда изделий соответствующих категорий. Надо отметить, что почковидные, сердцевидные или бабочковидные перекрестия, характерные для раннекифского клинкового оружия, еще отсутствуют. Особо выделяются кинжалы со специфическими гардами, аналогии которым известны в раннетагарских памятниках. В стрелковом наборе абсолютно господствуют втульчатые двухлопастные наконечники, которые в Казахстане и Приаралье соседствуют с двухлопастными черешковыми. Важным маркером являются узколопастные типы стрел, продолжающие традиции постандроновских культур эпохи поздней бронзы. Килевидные втульчатые наконечники, аналогичные позднему черногоровским, являются редкой формой в Азии, но позволяют отнести к первому горизонту, помимо ряда раннетагарских памятников, комплексы с такими стрелами в Южном Приаралье [Яблонский, 1996] и курган 10 могильника Памирская I, на углубление хронологии которого уже указывалось [Рябкова, 2013]. Бронзовые навершия с фигурами животных также могут являться маркером, но с учетом их длительного существования в сарагашенских комплексах. Здесь необходимо учитывать признаки ранней стилистики искусства, обозначенные Я.А. Шером [1980, с. 243—247]. Это же относится и к образу свернувшейся пантеры на знаменитой бляхе. Предметы, выполненные в зверином стиле, чрезвычайно редки в памятниках первого горизонта, а те, которые присутствуют, чрезвычайно архаичны и всегда передают образ реального зверя. Фантастические и синкретичные образы животных вообще не характерны для восточных областей расселения кочевников вплоть до ахеменидского времени. Поэтому бляхи из Сакар-Чаги 6, найденные в одном из самых ранних представительных комплексов Приаралья, нельзя трактовать как изображение фантастического грифона [Яблонский, 1996, с. 47]. Эти бляхи, безусловно, являются наиболее ранним воспроизведением головы верблюда, который зачастую изображался с оскаленной пастью. Показанный треугольный язык ассоциируется с хэнланышанскими петроглифами, что говорит об архаичности образа. Сейчас известна подобная бляха, происходящая из несколько более позднего тасмолинского комплекса, где хохолок, обычный для иконографии верблюда, более акцентирован и помогает правильно

определить приаральские изделия [Бейсенов, Минасян, 2015, с. 61, рис. 4].

В русле концепции формирования кочевых культур в азиатских горно-степных областях, предложенной в качестве гипотезы [Чугунов, 2015а], первый культурно-хронологический горизонт соответствует наиболее раннему миграционному импульсу. Кратко приведу основные выводы, подробно рассмотренные в специальной работе. Вероятно, не позже конца IX в. до н. э. Казахстан и Тува принимают первую волну переселенцев из внутренних областей Азии. На Верхнем Енисее это время возведения кургана Аржан и распространения синхронных ему памятников шанчигского типа, которые во многом сохраняют традиции могунтайгинской культуры эпохи поздней бронзы [Чугунов, 1994]. Не исключено, что в это время в Минусинской котловине уже существовало население, оставившее после себя раннетагарские (подгорновские) памятники, что позволяет допустить и более ранний локальный импульс, проходивший через территорию Тувы. Оседание мигрантов именно здесь может объясняться наиболее благоприятными климатическими условиями в котловинах Среднего Енисея по сравнению с более южными регионами, что показали специальные исследования [Дирксен, Чугунов, 2007]. Можно предположить, что и в Хакасии, и в Казахстане этот внешний импульс привел к появлению погребений с вытянутыми костяками. Причем, в данном случае, едва ли исходной для него является территория Синьцзяна, как предполагает А.Д. Таиров [2007, с. 50], так как на рубеже тысячелетий здесь распространены культуры, имеющие такой общий компонент, как расписная керамика и обряд, предусматривающий скорченную погребенную позу. Погребения с вытянутыми костяками, которые здесь известны, возможно, маркируют продвижение каких-то групп населения из более отдаленных регионов.

Не исключено, что в наиболее «чистом» виде погребальный обряд носителей кочевнических традиций, пришедших с первой миграционной волной, отражен в могильниках Приаралья. Мигранты вступили в тесный контакт с земледельческим населением, осваивавшим в это время вновь обводненные дельтовые русла Аму-Дарьи и Сырдарьи, что привело к миксации населения, отразившейся в разной степени антропологической метисации [Яблонский, 2015, с. 159]. Культурный комплекс приаральских кочевников включает, помимо вытянутой позы погребенного, такие элементы обряда, как дромос и помещение узды в качестве замены верхового коня. В материальной культуре здесь присутствует наиболее архаичный колчаный набор, состоящий из двухлопастных втульчатых и черешковых наконечников стрел, крупные зеркала с бортиком и предметы, выполненные в аржано-майэмирской стилистике.

Клювовидные жертвенники, распространенные здесь, вероятно, восходят к сохранившейся в земледельческой среде древнеаргианской традиции особых ритуальных сосудов [Чугунов, 2016]. Возможно, что именно этот регион впоследствии стал источником многих технологических инноваций на широкой территории расселения азиатских кочевников.

Вероятно, в Семиречье именно в это время возводятся первые грандиозные курганы Бешатыра, сопровождаемые многочисленными ритуальными сооружениями, восходящими к центрально-азиатской традиции херексуров. В Восточном и Центральном Казахстане в это время еще продолжали обитать носители бегазы-дангыбаевской культуры (БДК), сосуществовая и взаимодействуя с конгломератом мигрантов, которые еще не сформировали здесь ядро своей культуры, а их памятники разрозненны и чрезвычайно мозаичны по своим признакам (например, в могильнике Измайловка [Ермолаева, 2012, с. 66—75]). В частности, на истоки традиции северной ориентации погребенных и подбоев в памятниках тасмолинской и майэмирской культуры, возможно, указывают опубликованные данные о памятниках, исследованных в провинции Ганьсу [Шульга, 2014, с. 253—256]. Наиболее ранние комплексы бийкенской культуры в Горном Алтае, содержащие псалы аржанского типа (Курту-2), по погребальным конструкциям из валунов ассоциируются с рассмотренным выше могильником Мохучахань. Вместе с притоком нового кочевого населения на территории Казахстана и Саяно-Алтая появляются первые изделия, выполненные в зверином стиле. Исходные области всех этих миграционных импульсов, обусловленных, как представляется, глобальными климатическими изменениями, сейчас определить очень не просто, но в общих чертах можно утверждать, что они находятся к юго-востоку.

Наиболее дальний выплеск этой миграции знаменует появление в восточно-европейских степях памятников черноговровского круга. Мигранты принесли с собой с востока, прежде всего, специфические детали конского снаряжения, украшения сбруи и отдельные типы предметов вооружения — то есть элементы мужской субкультуры, что говорит о перемещении именно отдельных групп кочевников, которые достаточно быстро могли быть инкорпорированы в местную среду. Подобная модель была реконструирована В.А. Киселем для переднеазиатских походов скифов [Кисель, 2003, с. 106—112], но возможно справедлива и для несколько более раннего периода. В окружении аборигенного населения кочевники скорее всего сохранили особое, вероятно главенствующее положение в обществе. Это, в частности, объясняет перенос на новые территории традиции оленных камней, распространение которых в Европе, без-

словно, является следствием миграции с востока еще в предскифское время.

Второй культурно-хронологический горизонт характеризуется чрезвычайно динамичным развитием номадизма на всех территориях степной Евразии. Он связан в Туве с появлением алды-бельской культуры, однако, поскольку ранний ее этап пока уверенно не вычленяется из всего массива памятников, выделить маркеры этого горизонта здесь затруднительно. «Царский» курган этой культуры Аржан-2, датированный второй половиной VII в. до н. э., безусловно, относится к завершающей фазе горизонта. Два исследованных в «долине царей» Тувы элитных памятника разделяет период времени более 150 лет, за который изменился и погребальный обряд, и материальная культура. Но именно богатейший непотревоженный комплекс Аржана-2 является хронологическим репером этого горизонта и позволяет выявить памятники, расположенные на хронологической шкале между двумя «царскими» курганами. Как показывает анализ прикладного искусства [Чугунов, 2015б, с. 396—403], таковыми являются исследованные большие курганы Чиликтинской долины и некоторые комплексы в Центральном Казахстане (курган 2 могильника Талды-2), где найдены значительные серии золотых украшений в зверином стиле. Маркерами начала второго горизонта могут являться некоторые специфические образы в искусстве, трактовка деталей и ювелирные приемы, отсутствующие на ранней фазе и присутствующие на поздней. В это время в колчанах как восточных, так и западных кочевников появляются наборы двухлопастных удлинненно-ромбических или асимметрично-ромбических стрел, имеющиеся на предыдущем этапе лишь в единичных экземплярах. По мнению специалистов, такие наконечники достаточно вариативны [Рябкова, 2014, с. 378; Дараган, 2015, с. 133], но именно они, вероятно, являются маркером вооружения начальной фазы второго горизонта. Чуть позже в азиатском регионе широко распространяются стрелы с черешковым и зажимным насадом. Вероятно, колчаные наборы, включающие двухлопастные втульчатые наконечники наряду с черешковыми примерно в равной пропорции (типа набора в Большом Гумаровском кургане) также могут маркировать начальную фазу этого горизонта.

Завершающая его фаза, вероятно, может считаться фазой расцвета культуры ранних кочевников, так как именно к ней, помимо Аржана-2, относятся курган 3 могильника Кичигино на Южном Урале и большинство ярких комплексов Приаралья и Центрального Казахстана. На западе к ней относятся поздние курганы Келермеса.

Начало второго культурно-хронологического горизонта соответствует, вероятно, VIII в. до н. э. (возможно, его второй половине) — време-

ни второй миграционной волны, когда на всей территории Казахстана происходит становление номадизма, как основы экономики общества. В это время появляются элитные некрополи в Чиликтинской долине, погребальный обряд которых впоследствии продолжается в Центральном Казахстане (могильник Талды-2 и др.). Носители местных традиций эпохи поздней бронзы постепенно осваивают территорию Горного Алтая, смещаясь туда из западных предгорий. При анализе комплексов Верхнего Прииртышья А.С. Ермолаева обозначила сходство погребального обряда могильников эпохи поздней бронзы с курганами бийкенской культуры Горного Алтая [Ермолаева, 2012, с. 117]. Действительно, очень вероятно, что ее культурный комплекс формируется в результате смешения с мигрантами-номадами. Суперстратное кочевое население занимает предгорную зону вдоль Иртыша, оставив после себя майэмирский круг памятников.

Вероятно, вторая миграционная волна привела к появлению в Минусинской котловине памятников сарагашенского типа. Соотнесение тагарских оград с обозначенным входом может восходить к поздним мавзолеям могильника Бегазы — мегалитических сооружений с дромосом [Чугунов, 2006, с. 70]. Носители традиций БДК в период сооружения этого некрополя уже сосуществовали с номадами первой миграционной волны, на что указывают найденные в нем наконечники стрел. Вероятно, обычай оформленного вертикальными плитами входа в погребальное пространство был воспринят от них и является, по сути, переосмыслением дромосов приаральских могильников и Бесшатыра. Пути проникновения этой традиции на Средний Енисей могли проходить вдоль границы лесостепи, но этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании хронологической позиции лесостепных тагарских комплексов.

На Туву вторая миграционная волна оказала влияние опосредованно, через территорию Казахстана. Алды-бельская культура сформировалась с участием местного субстрата, включающего предшествующий аржанский компонент и, вероятно, сохранившихся еще носителей монгун-тайгинской культуры. Пути проникновения сюда новых мигрантов могли проходить по разным направлениям, но основным, вероятно, являлся Горный Алтай, заселенный наиболее близким и родственным населением. На тесные связи бийкенской и алды-бельской культур указывает весь комплекс материалов из алтайских памятников, отнесенных к завершающему бойтыгемскому этапу [Тишкин, 2007]. По сути, отличия их от синхронных тувинских сводятся к некоторым особенностям в погребальном обряде и могут объясняться разной долей исходных компонентов культуры. Формирование культуры начального этапа эпохи ранних кочевников на

территории Тувы и Горного Алтая было обусловлено одними и теми же составляющими компонентами — западным (казахстанским) и южным (центрально-азиатским). Разница может заключаться в степени участия этих компонентов, так как в Туве преобладали южные инновации, а на Алтае западные. Не случайно металл в бийкенских памятниках легирован оловом, что характерно именно для казахстанской металлургии [Хаврин, 2008], а изделия из кургана Аржан преимущественно выполнены из мышьяковой меди. Кроме того, пока неизвестны «царские» памятники VII в. до н. э. бийкенской культуры Горного Алтая и вполне возможно, что эта территория входила в сферу влияния вожества, хоронившего своих предводителей в «долине царей» Тувы. Контакты населения Тувы и Казахстана носили другой характер, но не прерывались в течение всего раннескифского времени, на что указывают многочисленные параллели в элитарной субкультуре [Чугунов, 2011б]. Последние находки еще более подтверждают теснейшее взаимодействие носителей алды-бельской и тасмолинской культур [Бейсенов, 2015, с. 26]. Не исключено, что проявление очень ранних, имеющих корни в древностях Маргианы, традиций в торевтике, выявленное при анализе прикладного искусства Аржана-2, объясняется сохранением и развитием их где-то на территории Казахстана или Приаралья. Определенные специальными естественно-научными исследованиями «пришлое» происхождение похороненной в основном погребении женщины [Лохов и др., 2007] позволяет допустить даже династические браки в среде племенной верхушки двух областей, однако подтвердить казахстанское происхождение «царицы» из Аржана-2 может лишь подобная аналитика тасмолинских образцов.

В Центральной Туве известны несколько погребальных комплексов с вытянутыми костяками, черепами животных и наборами стрел раннескифского времени, что может указывать на непосредственное пребывание здесь какой-то группы пришлого населения [Семенов, 2012, с. 432—435]. Больше всего исследованные в Туве комплексы похожи на так называемые погребения коргантасского типа, однако на территории Казахстана эти памятники датируются концом сакской эпохи [Бейсенов, 1997, с. 15, 16; 2015, с. 28]. Вероятно, они маркируют какие-то передвижения центральноазиатских номадов, появившихся в Туве ранее. Исходную территорию традиции помещения черепов животных в могилы сейчас можно достаточно уверенно определить в области расселения племен Северного Китая, оставивших культуру Юйхуанмяо и более поздние могильники типа Маоцингоу [Maoqinggou, 1992; Шульга, 2015]. На контакты с носителями Юйхуанмяо в течение всего раннескифского времени указывает

цельный ряд аналогий в комплексах алды-бельской культуры, в том числе в Аржане-2.

В западных областях этот период также отмечен активными перемещениями кочевников. Это время переднеазиатских походов скифов, которые могли осуществляться не только номадами Северного Причерноморья, но и другими кочевыми ордами, которые проникали на территорию восточных царств вдоль горных массивов, обходя Каспий с юга.

Третий культурно-хронологический горизонт — время ломки традиций, сложившихся в раннескифское время. Как правило, смена культур в различных регионах датируется серединой VI в. до н. э., но традиции предшествующего периода могли доживать и позже, а, видоизменяясь, в трансформированном виде существовать и в новой культурной среде. Одним из маркеров этого горизонта для степей Евразии можно считать находки узды с пропускным сопряжением удила и двудырчатых псаляев. В таких азиатских комплексах использовались удила, изготовленные в архаической традиции — со стремевидными окончаниями. Возможно, еще один маркер для восточной зоны — появление наборных парадных поясов с X-видными очертаниями обойм. При отсутствии в культуре региона этих категорий вещей или обычая помещать их в погребальные комплексы, соотнести с третьим горизонтом памятники возможно лишь по каким-то инновационным проявлениям, характерным для последующего этапа культуры. Поэтому верхняя граница горизонта, как правило, очень размыта.

В европейских степях в это же время завершается период архаической скифской культуры и начинается культура классической Скифии. Исследователи отмечают здесь резкую смену материального комплекса, трансформацию многих существовавших ранее категорий предметов и появление новых. А.Ю. Алексеев считает, что в последней трети VI в. до н. э. под влиянием этнокультурного импульса с востока в Северном Причерноморье происходит смена населения. Предметный комплекс, вероятно принесенный этим импульсом, включает так называемые крестовидные бляхи, золотые «конусы», реминисценции конских масок и другие инновации, не имеющие корней в предшествующей культуре [Алексеев, 2003, с. 182—184]. При этом подчеркивается, что «памятников, которые эволюционно сочетали бы обе традиции, раннюю и позднюю, в степной зоне нет (в Приднепровской лесостепи они есть, но весьма немногочисленные ...; есть они и на Кубани ...; важно, что во всех этих случаях вещевые комплексы имеют как бы двухкомпонентную природу), что свидетельствует о хронологически резкой смене вещевых наборов» [Там же, с. 182,

сл.]. Д.С. Гречко, не возражая по сути концепции «двух Скифий», несколько скорректировал хронологию переходного периода. Обозначив еще ряд инноваций, он выделил ряд комплексов, которые можно отнести к нему. Основным аргументом в его рассуждениях являются колчаные наборы, в которых, наряду с ранними типами наконечников, присутствуют новые. Кроме того, в переходных памятниках им отмечено появление зеркал с боковыми рукоятями [Гречко, 2012, с. 80—82]. Такой подход представляется правильным, так как наборы стрел — очень динамично меняющаяся составляющая вооружения, что обусловлено отношением к ним стрелка, как к расходному материалу. После боестолкновений, несомненно, собирались как свои, так и чужие стрелы, что позволяет предполагать появление новых форм в колчанах достаточно быстро.

Подобная картина наблюдается и в азиатских областях в конце третьего горизонта. Анализ стрелковых наборов в памятниках Тувы позволил выявить наконечники, которые являются маркерами поздних алды-бельских комплексов и ранних наборов следующей, уюкско-саглынской культуры [Чугунов, 2000, с. 226, сл.]. С середины или, может быть, конца VI в. до н. э. наконечники стрел в азиатских степях становятся более стандартизованы, что характерно и для скифских колчанов, по сравнению с наборами раннескифского времени. Интересно, что и в Туве зеркала с боковыми рукоятями (хотя и других типов) маркируют завершение третьего горизонта, появляясь в комплексах уюкско-саглынской культуры. Характерно, что в переходных памятниках уюкского типа, в которых еще очень сильно проявляется местный компонент, совместно встречены оба типа зеркал — как дисковидные с петлей в центре, так и с боковой ручкой. Все эти наблюдения показывают, что на стыке горизонтов и отдельных хронологических фаз должны выделяться переходные периоды. В любых культурно-хронологических реконструкциях, которые всегда являются исследовательскими конструктами (как и предлагаемая работа), это в наибольшей мере отвечает реальным процессам древности.

Таким образом, если подвести итог всему вышеизложенному, то первый культурно-хронологический горизонт в азиатском регионе соответствует пласту древностей предскифского времени в Европе; второй — начинается в «допоходное» время (РСК 1) и продолжается весь период функционирования Келермесского могильника (РСК 2 по И.Н. Медведской [1992]); третий горизонт, вероятно, практически совпадает с РСК 3. Безусловно, второй горизонт (как, вероятно, и остальные) должен быть разбит на последовательные фазы, границы которых сейчас могут быть только намечены.

- Акулов А.Г., Паульс Е.Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. — М., 2008. — Т. II. — С. 5—8.
- Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. — СПб, 2001. — 100 с.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб, 2003. — 416 с.
- Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7—1 вв. до н. э.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. — Алматы, 1997. — 24 с.
- Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 7, № 6, ч. 2. — С. 22—31.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. — Алматы, 2014. — 192 с.
- Бейсенов А.З., Минасян Р.С. Зеркало из тасмолинского могильника Бирлик // Вестн. Дагестанского научного центра. — 2015. — № 58. — С. 58—62.
- Боковенко Н.А. Начало тагарской эпохи // Древние культуры Евразии. — СПб, 2010. — С. 99—103.
- Боковенко Н.А. Древние культуры Казахстана и Енисея в 2—1 тыс. до н. э.: к проблеме контактов // Вопросы археологии Казахстана. — 2011. — Вып. 3. — С. 308—314.
- Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Ван Гил Б. и др. К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. — СПб, 2002. — Кн. 2. — С. 19—22.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. — СПб, 1999. — 440 с.
- Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. — Астана, 2003. — Т. 1: Древние эпохи. — С. 88—99.
- Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. — Алматы, 2011. — Т. 1. — С. 210—240.
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черноморского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. — 1996. — Вып. 2. — С. 23—44.
- Гречко Д.С. О возможных просветах в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // Stratum plus. — 2012. — № 3. — С. 75—103.
- Гречко Д.С. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре // Stratum plus. — 2013. — № 3. — С. 133—154.
- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. — Л., 1980. — 62 с.
- Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. — 1983. — Вып. 12. — С. 3—18.
- Дараган М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб, 2015. — С. 127—170 (Тр. ГЭ. — Т. 77).
- Дирксен В.Г., Чугунов К.В. Турано-Уюкская котловина Тувы: изменения природных условий и динамика ее освоения в древности (опыт реконструкции) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. — СПб, 2007. — С. 139—164.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. — СПб, 2005. — 290 с.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы — раннее железо). — Алматы, 2012. — 236 с.
- Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю. и др. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. — СПб, 2007. — С. 251—262.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии II. — М., 2001. — 324 с.
- Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. — СПб, 2003. — 190 с.
- Ковалев А.А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э. — СПб, 1996. — С. 121—127.
- Ковалев А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгеня) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. — СПб, 1998. — С. 122—130.
- Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. — М., 2000. — С. 128—180.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 39—58.
- Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. — Л., 1977. — 144 с.
- Курочкин Г.Н. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул, 1991. — С. 103—105.
- Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И. и др. Изотопный состав стронция в костях из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. — СПб, 2007. — С. 263—273.
- Лукашов А.В. Новый памятник VIII—VII в. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 157—161.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979. — 360 с.
- Марсадалов Л.С. Даты Большого Салбыкского кургана и этапа в Хакасии // Тр. IV (XX) Всерос. АС в Казани. — Казань, 2014. — Т. II. — С. 211—217.
- Марсадалов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // Теория и практика археологических исследований. — 2015. — № 1 (11). — С. 7—31.
- Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. — 1992. — № 3. — С. 86—107.
- Морозов С.В. Бронзовые наконечники стрел в раннетагарских памятниках Южной Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье. — СПб, 2003. — Кн. II. — С. 119—122.
- Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. — К., 2014. — 120 с.
- Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. — М., 2012. — 500 с.
- Новожинов В.А., Алтынбеков К. К вопросу об использовании колесниц в эпоху ранних кочевников // Восхождение к вершинам археологии. — Алматы, 2014. — С. 231—247.
- Подольский М.Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. — СПб, 2007. — С. 113—128.

- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. — 2009. — Вып. 5. — С. 20—56.
- Рябкова Т.В. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ — 2010. — № 38. — С. 87—106.
- Рябкова Т.В. Памирская I, курган 10: культурно-хронологическая позиция комплекса // АСГЭ — 2013. — № 39. — С. 59—99.
- Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. — 2014. — Вып. 4. — С. 372—432.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). — СПб, 2002. — 204 с.
- Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986—1989 гг.). — СПб, 2012. — 180 с.
- Семенов Вл.А. Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. — СПб, 2012. — Кн. 2. — С. 432—435.
- Синьцзян Мохучахань муди. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. — Пекин, 2016 (на кит. яз.). — 400 с.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. — К., 2003. — 161 с.
- Смирнов Н.Ю. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи // Поволжская археология. — 2015. — № 2 (12). — С. 104—113.
- Субботин А.В. Предварительный анализ периодизаций тагарской культуры // Южная Сибирь в древности. — СПб, 1995. — С. 136—142.
- Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам полностью раскопанных памятников). — СПб, 2014. — 154 с.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII — VI вв. до н. э. — Челябинск, 2007. — 274 с.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. — М., 2010. — С. 339—354.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 222 с.
- Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры // Теория и практика археологических исследований. — 2007. — № 3. — С. 146—158.
- Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2017. — № 1 (36). — С. 78—87.
- Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. — Барнаул, 2008. — Ч. I: Раннескифское время. — С. 173—178.
- Хохоровски Я. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века // Terra Scythica. — Новосибирск, 2011. — С. 319—345.
- Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I: Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. — М., 1997. — 98 с.
- Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. — М., 2000. — С. 110—127.
- Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. — 1994. — Вып. 8. — С. 43—53.
- Чугунов К.В. Находка кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ. Археологические изыскания. — 1997. — Вып. 42. — С. 81—86.
- Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. — Барнаул, 2003. — Кн. 1. — С. 386—395.
- Чугунов К.В. Абсолютная хронология тагарской культуры — взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. — Красноярск, 2005. — С. 102—104.
- Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. АС. — Новосибирск, 2006. — Т. II. — С. 69—71.
- Чугунов К.В. Аржан-1 и Аржан-2: сравнительный анализ // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. — Кызыл, 2009. — Ч. 1. — С. 48—52.
- Чугунов К.В. Дата кургана Аржан и хронология начала эпохи ранних кочевников // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. — СПб, 2011а. — С. 69—75.
- Чугунов К.В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения 2011. — Астана, 2011б. — С. 177—182.
- Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестн. Томского государственного университета: История. — 2013. — № 3 (23). — С. 97—102.
- Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб, 2015а. — С. 457—486 (Тр. ГЭ. — Т. 77).
- Чугунов К.В. Искусство раннесакского времени Тувы и Казахстана: опыт сравнительного анализа и хронология // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. — Алматы, 2015б. — С. 389—404.
- Чугунов К.В. Торевтика азиатских номадов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2 // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. — М., 2016. — С. 242—247.
- Шер Я.А. Отчет о работе 1-го Правобережного отряда в 1963 г. / Архив ИИМК. — Ф. 35, оп. 1, 1963, д. 143. — Л. 10—25.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М., 1980. — 328 с.
- Шер Я.А., Прокофьева А.М. Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение) // КСИА. — 1966. — Вып. 107. — С. 57—61.
- Шульга Д.П. Погребения в подбоях на территории провинции Ганьсу Китайской Народной республики (эпоха раннего железа) // Тр. IV (XX) Всерос. АС в Казани. — Казань, 2014. — Т. II. — С. 253—258.
- Шульга П.И. Синьцзян в VIII—III вв. до н. э. (погребальные комплексы. Хронология и периодизация). — Барнаул, 2010. — 238 с.
- Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII—VI вв. до н. э.). — Новосибирск, 2015. — 304 с.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). — М., 1996. — 185 с.

Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. — Волгоград, 2007. — С. 4—35.

Яблонский Л.Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы в скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии. — М., 2008. — С. 302—315.

Яблонский Л.Т. Саки в дельте Окса (теория и практика этногенетического исследования). — М., 2015. — 312 с.

Chochorowski J. Ekspansja kimmerijska na terenie Europy Środkowej. — Kraków, 1993. — 327 s.

Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14C dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Taim // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. — Dordrecht; Boston; London, 2004. — P. 83—89 (NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences — Vol. 42).

Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. — München, 1987. — S. 24—86.

Maoqinggou. Eine isenzeitliches Graberfeld in der Ordos-region (Innere Mongolei). — Mainz am Rhein, 1992. — 220 S. (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie. — Bd. 50).

К.В. Чугунов

ПРОБЛЕМИ ДАТУВАННЯ АЗІЙСЬКИХ МАТЕРІАЛІВ ДОБИ РАННІХ КОЧОВИКІВ ТА ПИТАННЯ ЇХ СИНХРОНІЗАЦІЇ З СТАРОЖИТ- НОСТЯМИ СХІДНОЇ ЄВРОПИ

Традиційні хронологічні установки, що склалися за всю історію вивчення старожитностей Сибіру, в останні роки все більше вступають у протиріччя з новими матеріалами. Хронологічними реперами у Центральній Азії і Південному Сибіру зараз можуть виступати добре датовані комплекси «царських» курганів ранньоскіфського часу Туви, деякі матеріали яких знаходять відповідності у старожитності віддалених регіонів, що мають письмову традицію.

Проблема розглядається на прикладі хронології тагарської культури. Незалежні від археологічних побудов методи датування і зіставлення її матеріалів з хронологією пам'яток раннього залізного віку інших територій показує, що модель розвитку цієї культури повинна бути переглянута. Передбачається, що на Середньому Єнісеї у ранньоскіфський час співіснували дві традиції, що відповідали подгоровському і сарагашенському етапам розвитку культури за традиційними уявленнями. На підставі зіставлень археологічного матеріалу і радіовуглецевих визначень можна припустити появу подгоровських пам'яток тагарської культури вже на аржанському етапі доби ранніх кочівників. Наприкінці існування подгоровської традиції до Туви проникають носії алди-бельської культури. Поява тагарської культури вже на самому початку I тис. до н. е. може бути пояснено найбільш сприятливими кліматичними умовами, у порівнянні з сусідніми областями. Не виключено, що подгоровський комплекс своїм походженням пов'язаний з центральноазійських регіоном, а сарагашенський — з територією Казахстану.

Загальний міжрегіональний аналіз можливий з позицій концепції культурно-хронологічних горизонтів. Пропонується розділити весь масив матеріалів ранньоскіфського часу азійської зони на три горизонти. Такий поділ дозволить зіставити ці горизонти з трьома етапами ранньоскіфської культури на заході, що має велике значення для розуміння процесів її формування у результаті послідовних міграційних імпульсів зі сходу. Перший такий імпульс можна впевнено відносити ще до передскіфського часу, що підтверджують нові матеріали з Синьцзяна.

Ключові слова: доба ранніх кочовиків, передскіфський час, хронологія, культурно-хронологічні горизонти, міграційні імпульси.

К. В. Чугунов

PROBLEMS OF DATING OF EARLYNOMADS ASIAN MATERIALS AND QUESTIONS OF THEIR SYNCHRONIZATION WITH ANTIQUITIES OF EASTERN EUROPE

Traditional archaeological chronology of Siberia is being in variance with the new data nowadays. Well dated complexes of «tsar's» kurgans of Tuva that gave some artifacts that have analogies in distant regions with written tradition can provide scholars with chronological frames for Central Asia and South Siberia.

This problem is reviewed on an example of chronology of *tagarskaya* culture. Non archaeological dating methods combined with comparison of its artifacts with archaeological data derived from Early Iron Age sites from other territories shows that current concept of its development should be revised. Author assumes that two traditions in Early-Scythian period of Middle Yenisei zone, *podgornovsky* and *saragashensky* stages, that are traditionally seen as successive stages where synchronous for some time. Archaeological comparison and radiocarbon dating suggest that *podgornovsky* sites of *tagarskaya* culture derive from *arshan* period of early nomad age. The end of *podgornovsky* tradition was the time when *aldi-belskaya* culture penetrated Tuva. The origin of *tagarskaya* culture in the very beginning of the first millennium BC may be explained by optimal climate of this territory in comparison with others. The *podgornovsky* complex may derive from Central Asia and *saragashensky* — from Kazakhstan.

Total trans-regional analysis is possible from the perspective of the concept of cultural and historical horizons. There is offered to divide all materials of early-Scythian time in Asian zone into the three horizons. Such division will allow to compare these horizons with three stages of early Scythian culture in the West that is important for understanding the formation processes as a result of serial migrations impulses from East. The first impulse can be confidently attributed to the pre-Scythian time which is confirmed by the new materials from Xinjiang.

Keywords: era of early nomads, prescythian time, chronology, cultural and chronological horizons, migratory impulses.

Одержано 27.03.2017